Б13 6/149

8. 13 6/149

нет с.
3-6.

ЛѢТНЯЯ ПРОГУЛКА

ВЪ НОВГОРОДЪ И СТАРУЮ РУСУ.

НѢСКОЛЬКО СТРАНИЦЪ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

А. Н—ва.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1860.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ
БАХРУШИНЪ

ЛѢТНЯЯ ПРОГУЛКА

ВЪ НОВГОРОДЪ

и

СТАРУЮ РУСУ.

Нѣсколько страницъ изъ записной книжки.

А. Э[illegible]в[illegible]

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 10 января, 1860 года.

Ценсоръ *П. Дубровскій.*

Гос. Историч. Научн. Б-ка
СССР
Инвент. № 311771
„ ..... 193 г.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

ЛѢТНЯЯ ПРОГУЛКА

ВЪ ПОВГОРОДЪ И СТАРУЮ РУСУ.

НѢСКОЛЬКО СТРАНИЦЪ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

I.

Размышленія по поводу дачной жизни. — Сборы и отправленіе въ дорогу. — Видъ Петербурга издали. — Окрестности желѣзной дороги. — Практическій спутникъ. — Общество наше въ вагонѣ. — Занятія пассажировъ. — Лѣсной пожаръ. — Волховъ. — Общій видъ Соснинской пристани.

—

Скучно лѣтомъ въ пышномъ, опустѣломъ Петербургѣ, гдѣ отъ раскаленной мостовой и громадныхъ зданій пышетъ удушливымъ зноемъ, гдѣ на улицахъ почти такъ же невыносимо жарко, какъ въ плавильной печи или кузнечномъ горнѣ. Жить за городомъ все какъ-будто сноснѣе, особенно гдѣ-нибудь на берегахъ Невы, въ домикахъ утонувшихъ въ зелени, поддерживающей въ комнатахъ нѣкоторую прохладу. Но человѣку, прикованному занятіями къ Петербургу, жить на дачѣ — трудно; въ переѣздахъ теряется много времени, а оно здѣсь каждому такъ дорого...

Весну и большую часть лѣта проводили мы въ томительно-грустномъ положеніи, порываясь каждую минуту умчаться куда-нибудь на просторъ изъ душной атмосферы Петербурга и освѣжиться тѣломъ и духомъ. — И вдругъ судьба умилостивилась надъ нами, и самымъ неожиданнымъ образомъ доставила случай, почти надобность, проѣхаться до Волховской станціи Николаевской Желѣзной дороги. Мы поспѣшили схватиться за этотъ случай, какъ утопающій хватается за соломинку; сборы были не продолжительны, до такой степени не продолжительны, что мы, подъ вліяніемъ лирическаго восторга, пустились въ дорогу, не взявъ самыхъ необходимыхъ вещей. Девятаго Іюля, въ первомъ часу дня, мы уже неслись по желѣзной дорогѣ, жадно вдыхая всею силою легкихъ здоровый, освѣжительный воздухъ только-что скошенныхъ полей. Блаженное сознаніе, что мы вырвались изъ Петербурга, переполняло чувства наши удовольствіемъ, и мы пришли въ себя уже въ то время, когда зданія Петербурга съ башнями, колокольнями и сверкающими куполами церквей скрылись у насъ изъ вида. Съ нами вмѣстѣ исчезла извѣстная всякому обаятельная сила громаднаго города. Долго, долго еще послѣ того, пронизывая туманную даль, яркой точкой горѣла глава Св. Исаака, казавшаяся намъ грознымъ, неотступнымъ взоромъ ока исполина Петербурга. За Колпинымъ, мы вздохнули полной грудью, какъ будто съ души скатилась какая-нибудь неимовѣрная тяжесть.— Насъ охватила отрадная свѣжесть лѣсовъ, которые, почти не прерываясь, безконечной вереницей тянутся по обѣимъ сторонамъ дороги.

Окрестности желѣзной дороги до Волхова представляютъ мало разнообразія и подробно описаны въ книгѣ «Путеводитель по Николаевской желѣзной дорогѣ.» По обѣимъ сторонамъ, почти отъ самаго Колпина, тянется сплошный рядъ молодаго лѣса, кое-гдѣ пашни, луга, извилистыя рѣчки, боязливо бѣгу-

ми, нѣсколько купцовъ съ бородками и въ долгополыхъ сюртукахъ, три священника, два студента, да мы съ N*** — Вотъ и всѣ пассажиры перваго класса. На носовой части кучами на узлахъ, ящикахъ, сундукахъ, постеляхъ и всякихъ пожиткахъ, расположились крестьяне, солдаты и бабы съ плачущими дѣтьми.

Мы съ N*** усѣлись на мостикѣ, перекинутомъ съ одного кожуха на другой и невольнымъ образомъ заглядѣлись на красивую панораму бѣжавшаго намъ на встрѣчу берега, со своими широкими лугами, покрытыми тучной зеленью, кустарниками, селеніями, виднѣвшимися на каждомъ возвышенномъ мѣстѣ; погостами, пестрыми стадами, разсыпанными по низменному берегу, вѣтряными мельницами, стогами сѣна, церквами, толпами бабъ, опаленныхъ зноемъ и измученныхъ усталостью на косовицѣ, съ визгомъ и хохотомъ бросавшихся въ воду, поднимая сверкающія на солнцѣ клубы пѣны и брызговъ.

Берега Волхова отъ Сосницы и выше ея по обѣ стороны, — низменныя и почти необитаемы. Первая возвышенность представляется слѣва, въ видѣ высокаго кургана, на которомъ когда-то было селеніе, почему оно и до сего времени называется старой слободой; теперь на немъ не осталось и слѣдовъ жилья, и онъ обросъ небольшимъ лѣсомъ и густымъ кустарникомъ; на противоположномъ крутомъ берегу возвышается старинный господскій домъ съ бѣлыми колоннами и дремлющимъ садомъ, сбѣгающимъ къ рѣкѣ. Нѣсколько поодаль отъ него часовня съ размытыми дождемъ кирпичными стѣнами. Если вамъ читатель случится когда-нибудь, проѣзжать мимо этого мѣста, то снимите шляпу и поклонитесь: — это Званка, любимый лѣтній пріютъ славнаго нашего поэта Державина, который пріѣзжалъ сюда отдыхать отъ служебныхъ трудовъ, и гдѣ написалъ многія изъ своихъ произведеній. Вправо и влѣво виднѣются луга, которымъ нѣтъ и конца. Далѣе

справа, опять гора, съ обпаженной вершиной. Кое-гдѣ между деревьями крыши избъ. Влѣво, въ полуверстѣ отъ берега, является ровная возвышенность, которая не прерываясь тянется на нѣсколько десятковъ верстъ параллельно Волхову. На ней, какъ строй гарнизонныхъ солдатъ, — однообразные домики, бывшихъ военныхъ поселянъ, обсаженные деревьями. Между ними мелькаютъ какія-то башни, выстроенныя по одному образцу, съ длиннымъ и тонкимъ, какъ игла шпицемъ, обитымъ жестью. По склону берега скатываются полосатые участки, засѣянные льномъ и огороды. Мы довольно быстро подвигались внизъ по исторической рѣкѣ, струи которой столько разъ смѣшивались съ человѣческой кровью во времена буйныхъ набѣговъ, не прерывавшихся до паденія Новгорода. Здѣсь когда-то носились окриленные парусами лодки съ дружинами князей, звучало оружіе, раздавались бранные клики.... Кто бы повѣрилъ въ то время, что черезъ нѣсколько вѣковъ, на этой самой рѣкѣ появятся суда, которыя будутъ разъѣзжать по водѣ на колесахъ и при томъ же еще противъ теченія, проходя до 20 верстъ въ часъ? Впрочемъ, гдѣ же было бѣднымъ волховскимъ дикарямъ разсуждать объ успѣхахъ цивилизаціи и вліяніи ея на промышленность и бытъ народа; когда даже и теперь находятся скептики, отрицающіе возможность самыхъ естественныхъ явленій!

Солнце склонялось къ закату, обливая пунцовымъ заревомъ и рѣку съ ея излучистыми бѣрегами, и окрестность окаймленную лиловымъ туманомъ. Для насъ, съ N***, какъ людей непривычныхъ къ величественнымъ явленіямъ природы, картина потухающаго дня, живописная панорама береговъ и самое тихое движеніе парохода, имѣли особенную цѣну. Но при всемъ томъ, практическій спутникъ мой не оставался безъ дѣла, и покуда я любовался картинами береговъ незнакомой мнѣ рѣки, раздутыми парусами, плывшихъ намъ на встрѣчу судовъ или

прислушивался къ свисту чаекъ, сновавшихъ передъ носомъ парохода. N*** разговорился со шкиперомъ и, подавъ ему сигару, сталъ разспрашивать объ образѣ жизни береговыхъ жителей и промыслахъ ихъ.... Вдругъ съ низу раздались звуки музыки. Мы наклонились и увидѣли около пароходной трубы человѣкъ семь музыкантовъ, съ чувствомъ, хоть и безъ большаго согласія, игравшихъ меланхолическій «Juristen bal tänze.» Бѣдные питомцы гармоніи, какъ намъ объяснилъ шкиперъ, спеціально посвятили себя увеселенію пороходныхъ пассажировъ и на этомъ основаніи перевозились по Волхову въ оба конца безплатно. А чтобъ они не-стѣсняли платящихъ пассажировъ, то имъ однажды на всегда отвели мѣсто по-срединѣ парохода, возлѣ трубы. Распекаемые съ одной стороны солнцемъ, а съ другой — накалившейся трубой, эти бѣдняки возбуждали истинное сожалѣніе. Послѣ задумчиваго вальса, оркестръ, къ удовольствію пассажировъ носовой части, грянулъ камаринскую. Напѣвъ родимой плясовой задѣлъ многихъ за живое, и не одно загорѣлое, бородатое лицо осклабилось отъ удовольствія... Одна, какая-то старуха начала даже моргать глазами, подергивать плечами, и вдругъ, не выдержавъ, пустилась кружиться по палубѣ, помахивая дырявымъ платочкомъ, среди единодушнаго хохота пассажировъ и пароходной команды. Этотъ неожиданный случай, не входившій въ программу поѣзда, казалось расшевелилъ усердіе музыкантовъ, которые заиграли съ удвоеннымъ рвеніемъ.

Между тѣмъ пароходъ, не смотря на то, что плылъ противъ теченія, довольно быстро подвигался впередъ, безпрестанно останавливаясь для пріема или спуска пассажировъ, то у кавалерійскихъ штабовъ гренадерскаго корпуса, то у береговыхъ селеній. При остановкахъ у штабовъ, пароходные музыканты считали, какъ-бы обязанностью сыграть какую-нибудь піесу.

Штабы эти: драгунскій, уланскій и гусарскій, чрезвычайно похожи одинъ на другой, и каждый изъ нихъ представляетъ городъ-не-городъ, село-не-село, не что-то въ этомъ родѣ.

По мѣрѣ приближенія къ Новугороду, на берегахъ является все болѣе селеній, и на встрѣчу пароходу безпрестанно попадаются барки, подчалки и гонки. Вотъ, слѣва показались бѣлыя стѣны монастыря и увѣнчанные крестами купола церквей. На противуположномъ берегу, нѣсколько далѣе—другой монастырь, тамъ, въ лѣсной чащѣ-третій. Наконецъ, за колѣномъ рѣки показалась груда зданій съ церквами, башнями, колокольнями и красноватой, зубчатой стѣной, величаво смотрѣвшей въ рѣку съ высокаго вала. Ближе, ближе, и передъ нами явился самъ Великій Новгородъ.

III.

Лодка съ монахинями и учтивость парохода.—Высадка. — Ночная прогулка по Новгороду. — Домашній концертъ. — Размышленіе о равнодушіи у насъ къ памятникамъ древности.

Справа, какъ водится, показались слободы, надъ берегомъ, у котораго столпилось множество судовъ и гонокъ всякихъ формъ и величинъ. Отъ берега отвалила довольно большая лодка, управляемая женщинами: въ ней сидѣло до пятнадцати монахинь. Онѣ въ полголоса пѣли псалмы, и пѣніе ихъ, тихо разносясь по гладкой поверхности рѣки, имѣло пріятность невыразимую. Видъ древнихъ освященныхъ вѣками Новгородскихъ стѣнъ и Волхова, въ струяхъ котораго получили св. крещеніе древніе Новгородцы, увеличилъ умилительность этого впечатлѣнія. Всѣ мы, по видимому, подъ вліяніемъ одного и того

же чувства, заслушались пѣнія монахинь; пароходъ изъ учтивости убавилъ ходу и пропустилъ ихъ лодку, шедшую ему на перерѣзъ, къ другому берегу, на которомъ высились зданія стариннаго женскаго монастыря. Пароходъ нашъ причалилъ къ пристани на правомъ берегу Волхова, неподалеку отъ великолѣпнаго моста. — На пристани и набережной толпились дамы, барышни въ шляпкахъ — мускетеркахъ, купцы, чиновники, офицеры и простой народъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже въ гостинницѣ Березина, и поспѣшили занять единственный свободный нумеръ. Отдохнувъ немного, мы рѣшили, не теряя времени отправиться въ странствованіе по городу, не смотря на довольно быстро приближавшіеся сумерки; но предварительно сочли нужнымъ запастись различными свѣдѣніями, необходимыми каждому пріѣзжему, т. е. разспросили о достопримѣчательностяхъ города, времени отправленія пароходовъ, почтовыхъ каретъ и проч.

Капитальная достопримѣчательность Новагорода, именно домъ посадницы, Марѳы Борецкой, оказался не болѣе, какъ въ пятнадцати шагахъ отъ дома гостинницы, во дворѣ ея. Но въ распросахъ у насъ прошло однакожъ не мало времени, такъ что, когда мы вышли на улицу, надъ Новымъ-городомъ уже спустилась ночь и закутала черной вуалью, и городъ съ его рѣкой, церквами и башнями, и всѣ окрестности.

Въ провинціи, какъ извѣстно, вообще ложатся спать рано, и потому нисколько не удивительно, что мы на улицахъ нѣкогда шумнаго города не встрѣтили почти никого, хотя прошли изъ конца въ конецъ всю главную улицу торговой стороны. Ночь была тихая, ясная, теплая; словомъ такая, какія бываютъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ и только на сѣверѣ. На небѣ тускло мерцали звѣзды; проливая матовое сіянье на пустынныя улицы отходившаго ко сну города. Въ домахъ кое-гдѣ свѣтились еще огоньки, озарявшіе или яркіе оклады иконъ, или собравшуюся къ ужину семью горо-

жанъ. Пройдя нѣкоторое разстояніе отъ земляного вала, окружающаго городъ, мы вернулись домой по прежней улицѣ. Въ городѣ была невозмущаемая тишина; только изрѣдка раздавались на мостовой скорые шаги запоздавшаго пѣшехода, да лѣнивый, будто съ просонья, лай собаки, и еще рѣже въ отдаленіи чуть слышалось пѣніе перекликавшихся пѣтуховъ. — Обойдя городъ, мы замѣтили въ одномъ невысокомъ сѣренькомъ домикѣ яркое освѣщеніе; тамъ слышалась людская рѣчь, звуки фортопіано и пѣніе. Женскій голосъ пѣлъ съ молодымъ человѣкомъ дуэтъ изъ Любовнаго Напитка; имъ аккомпанировалъ кто-то третій. Я остановился было послушать этотъ домашній концертъ, но N***, не пропускавшій въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ ни одного представленія итальянской оперы, объявилъ на отрѣзъ, что подобнаго пѣнія рѣшительно слушать нестоитъ, и почти силой увлекъ меня отъ оконъ, изъ которыхъ раздавался звукъ свѣжаго нѣжнаго голоска, распѣвавшаго:

Qual onnor, un senatore и проч.

Поклепалъ-же г. Славинъ на Новгородцевъ, думалъ я, — написавши въ своей книжкѣ *), что Новгородскимъ жителямъ неизвѣстны эстетическія удольствія.

Побродивъ еще съ полчаса, мы воротились домой и усѣвшись у открытаго окна, въ которое неслась ночная прохлада, составили программу слѣдующаго дня, и за тѣмъ улеглись спать. На другое утро, въ пятомъ часу мы отправились осматривать городскія древности. Первымъ дѣломъ было посмотрѣть на остатокъ дома Марѳы Посадницы, уединенно стоящій во дворѣ гостинницы. Эта развалина представляетъ теперь груду кирпичей, аршинъ въ пять вышиною, съ желѣзной дверью въ

*) Путешествіе русскаго на поклоненіе господину - государю Великому Новугороду и пр.

западной стѣнѣ и окномъ, задѣланнымъ желѣзной рѣшеткой съ восточной. На верху развалины разрослась трава, и нѣсколько пестрыхъ полевыхъ цвѣтовъ, колеблемыхъ вѣтромъ, уныло покачивали вѣнчиками, какъ-бы въ раздумьѣ о странной судьбѣ честолюбивой Мареы, славившейся умомъ и богатствомъ, имѣвшей сильное вліяніе на Новгородское вѣче, и сложившей свою голову гдѣ-то въ изгнаніи, въ дали отъ родины, въ разлукѣ со всѣмъ, что было дорогаго ея сердцу. Овдовѣвъ, она задумала освободить Новгородцевъ отъ власти Іоанна и выйти замужъ за одного изъ Литовскихъ магнатовъ, что бы именемъ короля Казиміра, владычествовать надъ Новгородцами; но замыслу ея не суждено было исполниться: Іоаннъ взявъ Новгородъ, отправилъ Мареу въ ссылку; но куда именно-неизвѣстно. Великолѣпныя палаты ея, богатыя помѣстья—были преданы грабежу. Время смерти и мѣсто погренія этой замѣчательной женщины остались тайною.

— Sic transit gloria mundi! повторялъ я про себя, обходя кругомъ историческую развалину, которая не такъ давно еще занята была кузницею, а теперь служитъ хозяину гостинницы кладовою. Какая проза!

Нельзя однакожъ не подивиться вообще странному пренебреженію у насъ къ памятникамъ древности, которые во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ сохраняются съ большимъ почтеніемъ, и ими гордятся, какъ нѣмыми свидѣтелями славнаго прошедшаго. Въ Германіи, напримѣръ, чуть не въ каждомъ городкѣ покажутъ домъ, гдѣ жилъ, или родился, или умеръ, какой нибудь поэтъ, ученый, или государственный человѣкъ; разскажутъ при этомъ цѣлую исторію съ большими или меньшими подробностями; а у насъ?..

Новгородъ, послѣ Москвы и Кіева, у насъ едва ли не первый изъ замѣчательныхъ городовъ по обилію предметовъ и мѣстностей, съ которыми соединены имена или событія, близкія

чувству Русскаго человѣка. Здѣсь что шагъ, то историческое воспоминаніе. . Сколько разъ почва Новагорода обливалась человѣческою кровью, во время буйныхъ усобицъ или вторженія враговъ? Какихъ только злодѣйствъ въ немъ не-совершалось? Сколько погибло здѣсь народа отъ рукъ его предводителей?....

«Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ» говоритъ пословица... Плачевную истину о тщетѣ человѣческихъ замысловъ и желаній, намъ, къ величайшему прискорбію, пришлось испытать на себѣ. По одному обстоятельству, не входившему въ первоначальную программу поѣздки, намъ пришлось отказаться отъ осмотра другихъ древностей Новгородскихъ, которыя такъ привѣтно манили насъ къ себѣ, обѣщая доставить много пріятныхъ минутъ. Дѣло въ томъ, что намъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, представилась надобность побывать въ Старой Русѣ; пароходъ-же отходилъ туда изъ Новагорода, къ несчастію, только два раза въ недѣлю, и первое ближайшее отправленіе его, приходилось именно на другой день пріѣзда нашего въ Новгородъ, въ 8 часовъ утра. Оставалось на выборъ: или отправиться съ этимъ пароходомъ, или ждать еще три дня, что, по тысячѣ и одной причинѣ, было для насъ невозможно. Это обстоятельство неожиданнымъ образомъ измѣнило всѣ наши планы, и вмѣсто предполагаемаго подробнаго осмотра достопримѣчательностей Новгородскихъ, заставило ограничиться только взглядомъ поверхностнымъ. Свободнаго времени, которымъ вполнѣ мы могли располагать, было у насъ только два съ половиною часа. Спѣша хоть изъ него сдѣлать полезное употребленіе, мы немедля ни минуты, отправились за Волховъ, взглянуть на вѣковую древность — Софійскій соборъ, построенный, какъ извѣстно, слишкомъ за восемь сотъ лѣтъ назадъ.

Говорить ли здѣсь о чувствахъ нашихъ въ ту минуту, когда мы переступили порогъ священнаго храма, устоявшаго подъ гнетомъ восьми столѣтій, и бывшаго свидѣтелемъ великихъ дѣлъ, зане-

сенныхъ на страницы лѣтописей? Чувства эти, полагаемъ, достаточно извѣстны каждому, кому только доводилось, хотя одинъ разъ, очутиться въ древнемъ городѣ, лицомъ къ лицу съ предметомъ или мѣстностію, съ которыми соединенъ рядъ историческихъ воспоминаній.

Отъ вѣковыхъ, покрытыхъ старинной живописью стѣнъ собора, носящихъ на себѣ слѣды архитектуры различныхъ вѣковъ—вѣетъ древностію, и при одномъ взглядѣ на нихъ переносишься мыслію во времена отдаленныя; въ памяти возникаютъ сказанія исторіи о главныхъ событіяхъ тѣхъ кровавыхъ мятежей, которые нѣкогда совершались предъ лицомъ Софійскаго собора, на площади, на которой собиралось буйное Вѣче, и гдѣ съ оружіемъ въ рукахъ рѣшались государственные вопросы.

Внутренность собора мы едва успѣли осмотрѣть даже мелькомъ, тѣмъ не менѣе однакожъ поклонились мощамъ почивающихъ въ немъ угодниковъ; полюбовались древнею живописью иконостасовъ; видѣли знаменитыя Корсунскія ворота, происхожденіе которыхъ до сихъ поръ еще неразгадано и другія, такъ называемыя, *шведскія* ворота. Изъ собора отправились мы черезъ площадь, какимъ-то пустыремъ, поросшимъ бурьяномъ, едва протоптанной дорожкой къ башнѣ, гдѣ находится часовня съ иконой Спасителя и передъ ней колодезь, которому приписываютъ чудотворную силу. Много лѣтъ тому назадъ, еще во времена своего дѣтства, проѣзжалъ я чрезъ Новгородъ и былъ въ этой самой часовнѣ. Мнѣ помнится, что позади колодезя и иконы была глубокая, темная пещера съ деревянною рѣшеткою, обитою желѣзомъ, куда, какъ разсказывали, древніе Новгородцы заключали своихъ плѣнниковъ. Теперь пещера эта наглухо задѣлана кирпичами, и въ часовнѣ уже не-чувствуется того тяжелаго впечатлѣнія, которое возбуждалось видомъ мрачнаго подземелья, откуда вѣяло сыростью и холодомъ.

Такъ какъ часовая стрѣлка быстро приближалась къ осьми, то мы и поспѣшили на пароходъ, который принявъ насъ, послѣ рѣзкаго свистка, своего обычнаго знака къ отправленію, тихо отвалилъ отъ пристани, тѣсно заставленной съ обѣихъ сторонъ плотами съ будками торговцевъ рыбою, и лодками всѣхъ сортовъ и покроевъ. На мосту столпится народъ въ ожиданіи-пропуска парохода въ одну изъ арокъ, разведенной на этотъ случай.

И вотъ мы опять въ дорогѣ.

Справа и слѣва потянулись селенія съ церквами и облупившимися колокольнями. Въ нѣкоторомъ отдаленіи высились зданія Юрьева монастыря, стоящаго въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега и отѣненнаго высокими деревьями. Позади монастыря, въ длину высокаго, обрывистаго берега, простиралось обширное и красивое селеніе, принадлежавшее нѣкогда графинѣ А. А. Орловой, обогатившей монастырь значительными вкладами. Глинистый, размытый дождями берегъ, поросшій кое-гдѣ травой и цѣпкимъ кустарникомъ, съ каждымъ взмахомъ пароходныхъ колесъ все болѣе и болѣе отъ насъ удалялся, и вотъ, передъ нами заплескалось Ильменское озеро.

Солнце палило насъ нещадно. Въ каютѣ было душно, какъ въ печи и единственное спасеніе представлялось только на палубѣ, покрытой сверху парусиннымъ наметомъ. Чѣмъ болѣе отдалялись мы отъ берега, тѣмъ чуднѣе и живописнѣе становилась разстилавшаяся картина широкаго озера, окаймленнаго голубымъ туманомъ, ярко пронизаннымъ съ востока лучами знойнаго солнца. Вправо-озеру невидно было и конца, и только позади насъ, на горизонтѣ, бѣлѣлись строенія Новагорода и блестящіе куполы Юрьевскихъ церквей.

Берега озера, сливаясь мало-помалу въ туманѣ, скоро окончательно изчезли за горизонтомъ, и ровное, подернутое легкою рябью озеро представило намъ близкое подобіе спокойнаго

моря: кругомъ насъ, куда только достигалъ взоръ, разстилалась вода; надъ головой прозрачная синева неба и медленно подвигавшееся къ зениту солнце, а въ неподвижномъ воздухѣ—торжественная тишина, среди которой только равномѣрные удары пароходныхъ колесъ да шумъ воды, выбѣгавшей изъ подъ него желтоватой пѣной нарушали спокойствіе природы.

Но картиной этой любовались мы недолго. Проплывъ нѣсколько верстъ озеромъ, пароходъ повернулъ въ р. Ловать, и съ прежнею скоростію пошелъ вверхъ по ея теченію, между пустынными берегами, на которыхъ не было замѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ обитанія. Съ обѣихъ сторонъ, на безконечное протяженіе, простирались луга, покрытые высокой, некошенной травой. На встрѣчу намъ безпрестанно попадались мелкія суда и лѣсныя гонки.

Общество пассажировъ парохода было не многочисленное. Во-первыхъ высокій, сановитой наружности господинъ съ орденомъ на шеѣ, дорожной сумкой чрезъ плечо, и чувствомъ оффиціальнаго достоинства на румяномъ лицѣ. Рядомъ съ нимъ сидѣла молоденькая жена и нянька съ ребенкомъ. Почтенные супруги говорили между собою тихо, отрывисто, и молча восхищались рѣзвостію своихъ сыновей, двухъ маленькихъ шалуновъ въ пестрыхъ рубашечкахъ, которые съ хохотомъ гонялись другъ за другомъ, и лазили подъ столами, скамейками и шныряли между ногами пассажировъ. Надъ рулемъ сидѣла дама почтенныхъ лѣтъ, Староруская помѣщица, возвращавшаяся изъ Петербурга въ свои владѣнія, на-берега Ловати. Рядомъ съ ней помѣстился мой товарищъ, а съ другой стороны трое мужчинъ и молоденькая барышня, которая, повидимому, необращали никакаго вниманія на остальныхъ спутниковъ, и, прищуривъ сѣренькіе глазки, разглядывала окрестность, или смотрѣла за бортъ, на воду, выбивавшуюся волнами изъ подъ колесъ. Возлѣ сановитаго господина и супруги его сидѣла мо-

Гос. И... Б-ка
Инвент. ...
193 г.

лодая, щегольски одѣтая дама съ роскошными, черными волосами, опускавшимися спереди въ мелкихъ локонахъ. Средина парохода, отдѣленная рѣшеткой отъ кормы и носа, занята была полутора-десяткомъ женщинъ, окруженныхъ домашнимъ скарбомъ. Вся носовая часть наполнена была крестьянами, солдатами и партіей семинаристовъ, возвращавшихся послѣ экзаменовъ на вакаціонное время къ домашнему очагу.

На пути пароходъ принялъ еще трехъ купцовъ, которымъ неизвѣстно на какомъ основаніи, вмѣнено было въ обязанность взять непремѣнно билеты первыхъ мѣстъ.

На палубѣ расхаживалъ тотъ-же самый господинъ въ парусинномъ пальто и военной фуражкѣ, который провожалъ насъ отъ Волховской станціи до Новагорода. Въ управленіе парохода онъ, попрежнему, не вмѣшивался вовсе, и кажется наблюдалъ только за тѣмъ, чтобы пассажиры низшихъ отдѣленій не переходили въ высшее. Впрочемъ, должно отдать ему справедливость, что онъ былъ очень вѣжливъ съ пассажирами, и по временамъ снисходительно вступалъ съ ними въ разговоръ; къ бородатому шкиперу, неизвѣстно почему, онъ обнаруживалъ особенное почтеніе, и обращаясь къ нему зачѣмъ-нибудь, чествовалъ не иначе, какъ Сидоромъ Пафнутьевичемъ, или чѣмъ-то въ родѣ этаго.

Спутникъ мой, отъ нечего дѣлать, завелъ разговоръ со Старорусской помѣщицею, которая оказалась очень словохотною, и разсказала ему, что имѣніемъ своимъ владѣетъ очень не давно, а купила его потому, чтобы жить по-ближе къ своему сыну, драгунскому офицеру, стоявшему съ полкомъ въ Старой Русѣ. Она объяснила между прочимъ, что земледѣліе у нихъ въ упадкѣ, и главный доходъ помѣщиковъ этой части Новгородской губерніи, заключается въ продажѣ лѣса. Короче сказать, она, во время получасоваго разговора, успѣла посвятить

его во всѣ таинства деревенскаго хозяйства вообще и своего собственнаго — въ частности.

Въ это время, около берега показалась лодка, управляемая двумя бабами, до нельзя нагруженная толстыми, саженными дровами. Увидѣвъ ее, одинъ изъ купцовъ, принятыхъ на пароходъ на пути, пришелъ въ бѣшенство, и перевѣсившись за бортъ, началъ изо всей силы кричать бабамъ:

— Эй, вы, тетки!.. гдѣ взяли дрова? Доберусь я до васъ, разбойницы! Будете вы растаскивать чужое добро! И тутъ-же объяснилъ собравшимся во кругъ него пассажирамъ, что эти дрова, по всѣмъ соображеніямъ, украдены изъ собственныхъ его полѣницъ, сложенныхъ гдѣ-то на берегу.

— Почему же вы не имѣете при дровахъ своихъ караульныхъ? спросилъ кто-то ожесточившагося купца, который, злобно стиснувъ могучіе кулаки, неспускалъ глазъ съ удалявшейся лодки.

— Какъ можно безъ караульныхъ, вмѣшался другой купецъ, помоложе—Караульный есть, да можетъ быть онъ-то и продаетъ дрова здѣшнимъ жителямъ, тайкомъ отъ хозяина.

— Такъ, взять благонадежнаго человѣка, на котораго можно бы было положиться.

— Въ душу ко всякому не влѣзешъ... а спросишь самаго, такъ вѣрнѣе его въ цѣломъ свѣтѣ не найдешь человѣка.

— Въ такомъ случаѣ надобно дать ему хорошее жалованье, тогда и не-будетъ плутовать.

— Хорошее жалованье! хорошее жалованье! съ досадой повторялъ купецъ.—Было-бы изъ чего? Барыши-то наши плохи въ нынѣшніе года. Народъ-же здѣсь, и не приведи Богъ, какой воръ!

— Напрасно вы жалуетесь на барыши! замѣтила Старорусская помѣщица. — Дрова-то вы скупаете у насъ, владѣльцевъ

дѣсныхъ дачъ, за безцѣнокъ, а въ Петербургѣ продаете каждую сажень вчетверо дороже того, что она обойдется вамъ на мѣстѣ.

— Эхъ вы, сударыня, Вѣра Васильевна, продолжалъ задѣтый за живое купецъ. — По-видимости-то оно и точно выходитъ такъ, какъ вы изволите говорить; но разберите только это дѣло, такъ и выйдетъ, что лѣсная промышленость въ здѣшнихъ краяхъ, не за хлѣбомъ будь сказано, дѣло рянь. Положимъ, сударыня, что я дрова у васъ и у другихъ помѣщиковъ купилъ хоть по рублю за сажень... хорошо... Надобноже мнѣ нанять рабочихъ; примѣрно хоть вашихъ-же людей, на то, чтобы вывести дрова и сложить ихъ. Потомъ, выходитъ, караульщика нанять, который будетъ красть и продавать дрова бабамъ; приказчиковъ то же; да спустить на воду; да сплотить; опять за прогонъ до мѣста каждому рабочему подай по четыре цѣлковыхъ въ недѣлю; да харчи то же... А Ильмень плыть сами изволите знать, не рѣченкой какой. Глубина-то не Богъ знаетъ какая; всего-то, примѣромъ, сажени четыре, а бури такія бываютъ, что и не приведи Господи. Барки дровяныя, да гонки десятками разбиваются. А если Богъ и помилуетъ, дрова придутъ на мѣсто благополучно, то какъ начнешь перемѣривать ихъ, такъ смотришь: пятой части, или даже четвертой и не досчитаешься... А съ кого взыскать?... А поборы всякіе, пошлины, да платежи разнымъ людямъ... Вотъ и на пароходѣ заставляютъ платить за первое мѣсто... Извольте-же расчитать: почемъ придутся дрова?.. Истинно, сударыня, осмѣлюсь доложить, что нашего-то брата, продолжалъ купецъ, господа-то ужъ больно обижаютъ: всѣ считаютъ насъ чуть только не грабителями, потому, что де мы, скупая товаръ, пользуемся случаемъ и продаемъ по какой намъ угодно цѣнѣ. А оно выходитъ совсѣмъ не такъ. Механику-то эту я вамъ ужъ разсказывалъ; вотъ вы теперича и

видите: велики ли наши барыши?.. А случаемъ бываетъ и такъ, что по нѣскольку лѣтъ даже убытки терпимъ.

— Что-же за неволя? спросилъ одинъ изъ пассажировъ.

— Неволя та, отвѣчалъ купецъ, — что къ лѣсной, выходитъ, торговлѣ, мы привыкли, то есть съ измалолѣтства. Отцы наши хлѣбъ этимъ добывали, вотъ и мы, значитъ, по этому оставить не хотимъ. Бываетъ такъ, съ одушевленіемъ продолжалъ купецъ, — что годъ убытокъ, другой убытокъ, а далѣе того и гляди, что всего капиталу рѣшишься; а все не оставляешь; авось, думаешь, поправишься когда-нибудь. Иной выдержитъ, а иной и лопнетъ. Изъ нашего брата многіе по міру отъ этого дѣла пошли.

— Такъ, такъ, справедливо, печально прибавили два другіе купца, и при этомъ, въ подтвержденіе разсказа своего товарища, назвали по именамъ троихъ или четверыхъ купцовъ, въ-конецъ разорившихся отъ лѣсной торговли.

Разговоръ о лѣсопромышленности не прекращался, и многіе изъ пассажировъ, высказали при этомъ личныя свои замѣчанія о причинѣ возрастающей дороговизны дровъ, доказавшія, что цѣна на нихъ часто совсѣмъ не зависитъ отъ произвола торговцевъ, и что потому, они виноваты въ этомъ не въ такой степени, какъ многіе у насъ полагаютъ. Выводъ изъ всѣхъ этихъ толковъ и сужденій былъ слѣдующій: Если въ этой отрасли торговли нашей кто-нибудь и наживается, то только лица, владѣющія огромными капиталами, какъ напримѣръ купецъ Н—въ. Они скупаютъ у мелкихъ промышленниковъ десятки тысячъ сажень дровъ, на мѣстѣ, обыкновенно по низкимъ цѣнамъ, потому что платятъ наличныя деньги, сплавляютъ дрова въ Петербургъ, ставятъ по подряду въ казну, и сбываютъ розничнымъ торговцамъ по той цѣнѣ, по какой имъ заблагоразсудится. Убытковъ они не боятся: одинъ благопріятный годъ можетъ щедро вознаградить ихъ за всѣ потери. Мелкіе же промышленники если и рѣшаются

сплавлять лѣсъ въ Петербургъ, гдѣ всегда находятъ ему вѣрный сбытъ, то дѣлаютъ это неохотно, потому что приходится дѣйствовать неиначе, какъ товариществомъ... На общій счетъ нанимаютъ рабочихъ, большею частію мѣстныхъ жителей; устроиваютъ гонки, и по прибытіи товара на мѣсто повѣряютъ его, и недостающее, утраченное на пути количество дровъ, раскладываютъ между собою; при чемъ, какъ водится, окончательные расчеты неизбѣжно сопровождаются неудовольствіями и ссорами; но къ правосудію товарищи обращаются очень рѣдко, только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда правота одного и недобросовѣстность другаго уже слишкомъ очевидны.

Въ такихъ-то поучительныхъ бесѣдахъ проходило время на переѣздѣ нашемъ изъ Новагорода въ Старую Русу. Особенныхъ приключеній не было никакихъ, и берега покрытые высокою травою, протягивались на десятки верстъ съ томительнымъ однообразіемъ. Только и было развлеченія, что смотрѣть на плывшіе на встрѣчу намъ съ распущенными парусами подчалки съ раздутой верхней палубой, нагруженныя всякой всячиной, да на длинные, бревенчатые плоты, управляемые мужиками, которые лѣниво отпихивались отъ берега трехсаженными шестами.

IV.

Пароходный буфетъ. — Стеченіе обстоятельствъ, или встрѣча парохода съ гонкой. — Благополучный исходъ. — Мы продолжаемъ путь. — Рѣка Полисть и Кривое колѣно. — Конецъ плаванію.

—

Буфетъ на пароходѣ былъ въ изобиліи снабженъ всякими предметами продовольствія, съ весьма умѣренными цѣнами, и

потому пароходный поваръ съ трудомъ успѣвалъ удовлетворять ежеминутно – поступавшимъ требованіямъ проголодавшихся пассажировъ, между которыми особенное вниманіе обращали на себя семинаристы.

Вдругъ почувствовался толчекъ, какъ будто пароходъ на что нибудь наѣхалъ. Онъ мгновенно остановился. На палубѣ началась бѣготня, шумъ, крики, ругательства, безъ которыхъ у насъ, кажется, ничто не можетъ обойтись. Мы поспѣшили на верхъ и глазамъ нашимъ представилось зрѣлище плачевное. Пароходъ, постоянно державшійся средины рѣки, зацѣпилъ лѣвымъ колесомъ за проходившую гонку и не повредилъ его только по какому-то особенно счастливому случаю. Господинъ въ парусинномъ пальто, стоя на кожухѣ, свирѣпствовалъ, выходилъ изъ себя и бранилъ мужиковъ, грозя имъ кулаками. Мужики съ длинными шестами своими бѣгали изъ конца въ конецъ по бревнамъ гонки, кричали, проклиная другъ друга, и такъ, какъ по русской привычкѣ всегда необходимо бываетъ свалить вину свою на другаго, то они обвиняли во всемъ пароходную команду, а команда обвиняла ихъ. Нѣкоторые изъ пассажировъ пришли въ ужасъ, воображая, что котелъ отъ накопившихся паровъ лопнетъ и пароходъ взлетитъ на воздухъ .. Среди общихъ криковъ, перекреснаго огня ругательствъ и невообразимой сумятицы, пароходъ кое какъ отцѣпили отъ гонки, и онъ снова, какъ ни въ чемъ не бывало, тихо пошелъ впередъ. Черезъ нѣсколько минутъ, когда всѣ увѣрились, что опасность миновалась, на пароходѣ водворился прежній порядокъ и пассажиры возвратились къ своимъ занятіямъ; одни продолжали начатую бесѣду, другіе отправились въ буфетъ доѣдать оставленную въ суматохѣ котлетку.

Между тѣмъ пароходъ все болѣе и болѣе приближался къ цѣли своего путешествія; проѣхавъ версты двѣ или три, послѣ несчастной встрѣчи съ гонкой, онъ повернулъ направо, въ р. Полисть, берега которой состояли, подобно берегамъ Ло-

вати, изъ сплошныхъ луговъ, безъ малѣйшихъ признаковъ населенія. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ устья рѣки — мы стали; пароходъ не безъ нѣкотораго труда, причалилъ къ берегу, и шкиперъ объявилъ, что за мелководьемъ — плыть далѣе по рѣкѣ невозможно. Теченіе рѣки представляетъ въ этомъ мѣстѣ острый уголъ, вслѣдствіе чего берегъ и получилъ названіе: *Кривого колѣна*. Между тѣмъ до Старой Русы оставалось еще семь верстъ; пассажиры пришли въ величайшее негодованіе и, обратились къ господину въ парусиномъ пальто, осыпая его упреками за нераспорядительность, и надѣляя нелестными эпитетами владѣльца парохода, обязавшагося передъ правительствомъ доставлять пассажировъ отъ Кривого колѣна въ Старую Русу на обыкновенныхъ лодкахъ; но лодокъ никакихъ не оказалось. Словомъ сказать, смятеніе поднялось неописанное. Плачевнѣе всего было положеніе дамъ, которыя пришли въ совершенное отчаяніе. Всѣ онѣ чуть не плакали отъ досады. Щеголеватая смуглянка, супруга инженера, одна обнаружила истинно стоическое хладнокровіе, потому что на берегу ее ожидалъ экипажъ... Съ пассажирами носовой части раздѣлались очень скоро, безъ всякихъ хлопотъ и раздирательныхъ, мелодраматическихъ сценъ; съ парохода перебросили на берегъ доску и высадили ихъ на лугъ, представивъ имъ добраться до Старой Русы по образу пѣшаго хожденія. Между тѣмъ, на рѣкѣ, тихо огибая выдавшійся мысомъ берегъ, показался дырявый парусъ соймы, высланной для пріема пассажировъ съ парохода. Сойма, — это рѣчное судно особаго устройства, въ родѣ тѣхъ судовъ, которыя осенью являются въ Петербургѣ, на Фонтанкѣ, у Чернышева моста, съ грузомъ яблокъ, иногда яицъ, также деревянной, и глиняной посудой и чугунными издѣліями При видѣ этого допотоннаго судна, пассажиры пришли въ ужасъ, потому что на соймѣ не представлялось другой возможности помѣститься, какъ только изогнувшись въ три погибели подъ низенькой

выгнутой палубой. Но суровая необходимость скоро вытѣснила изъ головы всякую мысль о комфортѣ, и грязная, тѣсная сойма, радушно приняла въ нѣдра свои раздосадованныхъ путниковъ. Мы съ N***рѣшились лучше идти до города пѣшкомъ, нежели ѣхать на соймѣ, и перекрестясь, перебрались по колеблющейся доскѣ на берегъ, куда прежде помогли перейти дамамъ. Мужественная рѣшимость наша была вознаграждена достойнымъ образомъ: къ несказанному удивленію своему, мы нашли на берегу, въ тѣни черемухъ и акацій, — двухъ городскихъ извощиковъ. Одного мы предоставили дамамъ, другаго заняли сами и потащились шажкомъ къ городу, по едва проторенной дорогѣ, которая проходила по лугу, извиваясь мѣстами между кустарникомъ и воздѣланными полями. Путемъ дорогою мы безпрестанно обгоняли семинаристовъ, шедшихъ кучами и поодиночкѣ, но непремѣнно съ котомкой за плечами и парою сапогъ, выставлявшихъ подбитые гвоздями каблуки свои по обѣимъ сторонамъ ученой потылицы.

Извощикъ нашъ оказался не изъ послѣднихъ говоруновъ и краснобаевъ, и во всю дорогу неумолкая разсказывалъ намъ все, что считалъ нужнымъ сообщить въ назиданіе. Между прочимъ, онъ объявилъ, что обширный лугъ, по которому мы ѣхали и вся прилегающая къ нему земля, въ огромномъ числѣ десятинъ, съ давнихъ поръ принадлежитъ городскому Обществу Старой Русы, которое ежегодно отдаетъ эту землю въ наемъ для скоса и подъ пастбища, и получаемыми за это деньгами покрываетъ всѣ городскіе расходы, а изъ остатковъ вноситъ въ казначейство за мѣщанъ подати, которые, такимъ образомъ, лично никакихъ повинностей не отбываютъ. Историческая достовѣрность этого обстоятельства остается на отвѣтственности нашего извощика, который, впрочемъ, будучи самъ мѣщаниномъ города Старой Русы, долженъ же былъ знать: брали съ него подати, или не брали.

Въ Старой Русѣ остановились мы въ лучшей гостинницѣ, въ опрятномъ домикѣ, на самомъ берегу рѣки, противъ бульвара.

Старая Руса безъ сомнѣнія – одно изъ древнѣйшихъ варяжскихъ поселеній на берегахъ Ильменя. Даже въ древнихъ новогородскихъ лѣтописахъ, *Руса* всегда называется *Старою*. Новогородцы издревле производили здѣсь выварку соли; производство ея было потомъ оставлено, но Петръ Великій возобновилъ соляные варницы и самъ нѣсколько разъ посѣщалъ этотъ городъ.

Въ настоящее время Старая Руса — порядочный городъ со множествомъ каменныхъ домовъ, мощеными улицами, и по свидѣтельству календаря, болѣе чѣмъ съ 8000 жителей. Красивѣйшая часть города — лѣвая набережная, начиная отъ моста, внизъ по рѣкѣ. Здѣсь, какъ водится, есть и площадь, даже двѣ; три гостинницы, кондитерская, *Salon pour la coupe des cheveux*. Преехавши изъ Петербурга муской портной М. Потасовкинъ и нѣсколько заведеній для печенія баранокъ, составляющихъ лучшій мѣстный продуктъ.

Отдохнувъ немного, я пошелъ бродить по городу, а неутомимый спутникъ мой, съ карандашемъ въ рукахъ и памятной книжкой, отправился къ заведенію минеральныхъ водъ, чтобы записать все, это ни встрѣтиться стоющаго вниманія. Сошлись мы уже поздно вечеромъ. По справкамъ оказалось, что изъ старой Русы въ Новгородъ можно отправиться двумя способами: на пароходѣ или въ почтовой каретѣ. Перваго приходилось ожидать три дня, да притомъ же еще ѣхать за семь верстъ до Криваго Колѣна, а послѣдняя отправлялась на слѣдующій день вечеромъ. Мы рѣшились ѣхать въ почтовой каретѣ, а потому какъ добросовѣстные путешественники, чтобы не терять даромъ времени, немедленно отправились осматривать городскія достопримѣчательности.

Прежде всего посѣтили мы заведеніе минеральныхъ водъ, помѣщающееся въ обширномъ паркѣ съ разчищенными дорожками и аллеями, клумбами цвѣтовъ, воксаломъ и залою для гимнастическихъ упражненій, которыя очень полезны при употребленіи минеральныхъ водъ.

Ванны помѣщаются въ нѣсколькихъ красивыхъ домикахъ на берегу пруда съ зеленоватый, пропитанный сѣрнымъ запахомъ минеральной водой и дномъ, покрытымъ цѣлебной грязью.

Вокругъ пруда устроены крытыя галлереи для прогулки больныхъ въ ненастное время. Влѣво возвышается красивое, выстроеное еще вчернѣ каменное строеніе, предназначенное для гостинницы.

Отсутствіе подобнаго заведенія при водахъ очень ощутительно для больныхъ, которымъ приходилось занимать квартиру въ городѣ, въ тамошнихъ гостинницахъ, въ двухъ верстахъ отъ заведенія водъ. Въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ ваннъ и источника, въ сѣренькомъ деревянномъ домикѣ съ нѣкоторымъ подобіемъ террасы, выходящей на усыпанную пескомъ и окруженную скамейками площадку, помѣщается воксалъ. Оттуда неслись звуки бальной музыки. Десятка три или четыре барышенъ, молодыхъ дамъ, офицеровъ и статскихъ изъ общества чающихъ движенія воды, подъ звука небольшаго оркестра, усердно отплясывали польки и кадрили. Балъ этотъ чрезвычайно походилъ на безцеремонный семейный вечеръ, гдѣ гости-близкіе родные, короткіе знакомые и домашніе друзья; словомъ, не одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, гдѣ господствуетъ общее одушевленіе и самая искренная непринужденность. Мужчины были въ сюртукахъ и фуражкахъ; дамы и дѣвицы—въ простенькихъ кисейныхъ или даже холстинковыхъ платьицахъ, съ высокимъ лифомъ и безъ кринолиновъ.

Въ нынѣшнемъ году, какъ мы слышали, сезонъ на старорускихъ водахъ вообще прошелъ очень весело и пріятно, и об-

щество больныхъ, не довольствуясь танцовальными вечерами въ воксалѣ по два раза въ недѣлю, безпрестанно устроивало катанья по рѣкѣ, прогулки за городъ и другія увеселенія.

Когда мы вышли въ залу, танцующіе доканчивали кадриль, которой явилась на смѣну удаляя мазурка. Вечеръ былъ тихій и ясный; двери и окна воксала были открыты настежь и въ нихъ неслись изъ сада волны теплаго, напоеннаго благоуханіемъ воздуха. Мотивъ мазурки довольно долго звучалъ намъ въ слѣдъ, то совершенно смолкая въ отдаленіи, то вдругъ съ новой силой оглашая громкими акордами садъ, съ его пустынными, задернутыми таинственнымъ мракомъ аллеями, полными дремоты и безмолвія...

V.

— Физіономія Старой Русы. — Соловареный заводъ. — Отъѣздъ изъ Старой Русы. — Путь до Новагорода. — Пароходъ «Красотка.» — Обратное плаваніе по Волхову. —Желѣзная дорога. Заключеніе.

—

На утро слѣдующаго дня отправились мы осматривать городъ, который, когда мы вглядѣлись въ него, въ общемъ видѣ своемъ и нѣкоторыхъ частностяхъ, оказался, какъ и слѣдовало ожидать, похожимъ на большую часть нашихъ уѣздныхъ городовъ, хотя многихъ изъ нихъ превосходилъ онъ чистотой улицъ и большимъ числомъ каменныхъ строеній. По серединѣ площади протягивался неизбѣжный гостиный дворъ, окрашенный еще болѣе неизбѣжною желтою краскою, — который всегда и вездѣ, подъ какимъ бы онъ названіемъ не являлся, напоминаетъ собою базаръ, встрѣчающійся въ каждомъ городѣ на Востокѣ, откуда, впрочемъ, онъ и перенесенъ на русскую почву.

Изъ города прошли мы на Соловареный заводъ, осмотрѣли его во всей подробности, и отдохнули на травѣ, въ тѣни градировъ, отъ которыхъ даже на значительномъ разстояніи вѣетъ свѣжестью и прохладой. Градиры эти служатъ для очищенія воды изъ которой вываривается соль, и представляютъ рядъ высокихъ и длинныхъ стѣнъ изъ сложенныхъ древесныхъ прутьевъ, покрытыхъ окристализованнымъ осадкомъ воды, сбѣгающей по нимъ каплями изъ резервуаровъ, въ которые она накачивается изъ источника, устроеннымъ на р. Полисти водянымъ проводомъ.

Переправившись на лодкѣ на лѣвый берегъ рѣки, мы воротились домой и тотчасъ же послали въ почтовую контору взять билеты въ мальпостъ.

Сборы наши были непродолжительны, и съ небольшимъ въ семь часовъ вечера, мы оставили за собой Старорусскую заставу и покатились по Новгородскому шоссе, пролегающему по берегу Ильменя, который, почти во все протяженіе переѣзда, постоянно виднѣется справа.

Прибрежье озера довольно населено и слѣдственно почти сплошь покрыто воздѣланными полями.

Часу въ одиннадцатомъ ночи мы прибыли къ рѣкѣ Шелони, впадающей въ Ильмень, и помѣстились на паромѣ, который медленно потянулъ насъ къ противоположному берегу, покрытому строеніями большаго села, гдѣ находится почтовая станція. Въ домахъ, сквозь сгустившуюся ночную темноту, ярко свѣтились огоньки.

Осторожность — мать премудрости, гласитъ старинная поговорка, и слѣдуя этому правилу, всѣ пассажиры, при выѣздѣ на паромъ, для безопасности вышли изъ экипажа по совѣту ямщика, который не ручался за своихъ коней.

— Шелонь, говорилъ онъ, — не приведи Богъ, какая своенравная рѣка; терпѣть не можетъ мертвыхъ тѣлъ... Вотъ,

въ позапрошломъ году, поднялась буря... Я въ этотъ день везъ Новгородскую почту... Гляжу — Шелонь вся почернѣла, вотъ какъ есть свинецъ; волны вздулись вотъ эдакія, и онъ показалъ рукой выше своей головы, — всѣ въ пѣнѣ; ходятъ да воютъ, и до тѣхъ поръ бушевали, покуда не выбросили на берегъ мертваго тѣла; тогда и ничего, улеглись... Куда и буря дѣвалась!

Эта Шелонь имѣетъ право на нѣсколько строкъ въ исторіи, потому, что на берегахъ ея нѣкогда происходила жестокая битва Новгородцевъ съ Псковитянами. Года два тому назадъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ дрались между собой буйные республиканцы, обвалился подмытый водою берегъ, и при этомъ обнаружилась глубокая пещера, наполненная человѣческими костями.

Вездѣ станціи оказалась гостинница, гдѣ хозяйничали и вмѣстѣ прислуживали посѣтителямъ двѣ молодыя, прехорошенькія дѣвушки. Кондукторъ объявилъ, что мы пробудемъ здѣсь полчаса, и потому имѣемъ право пить чай или ужинать.

Шимская станція, на которой мы остановились — лежитъ на половинѣ пути между Старой Русой и Новгородомъ, и мы проѣхали остававшееся разстояніе довольно скоро, среди непроницаемой темноты, совершенно застилавшей окрестности. По сторонамъ дороги иногда являлись неясныя очертанія какихъ-то зданій, высокихъ и длинныхъ, но разглядѣть ихъ было невозможно, сколько мы не напрягали зрѣніе. Среди глубокой тишины слышался только плескъ озера, безъ устали хлеставшаго въ берегъ, да топотъ лошадей, бѣжавшихъ крупной рысцой по гладкой, укатанной дорогѣ. Чуть только на небѣ показался свѣтъ занимавшейся зари, какъ въ отдаленіи раздались голоса перекликавшихся пѣтуховъ. Вся природа встрепенулась, и скоро, въ травѣ, въ воздухѣ и на деревьяхъ зазвучали пѣсни птицъ и насѣкомыхъ, какъ бы въ запуски старавшихся перекричать другъ друга.

Въ Новгородъ въѣхали мы съ первыми лучами солнца. Ни въ слободахъ, ни въ городѣ не встрѣтили мы почти ни души. Кое-гдѣ, въ крошечномъ окнѣ выставлялось иногда заспанное лицо мужика съ всклокоченной бородой, да какая нибудь босоногая дѣвка, зѣвая выходила изъ низенькой калитки, и, почесываясь, лѣниво начинала отворять одинъ за другимъ ставни покосившагося домика, который глядѣлъ такъ угрюмо, какъ-будто также еще не выспался. Стукъ колесъ и бряканье копытъ усталыхъ коней нашихъ звонко раздавались на мостовой по пустыннымъ улицамъ города. Проѣхавъ Софійскую сторону и мостъ, мы скоро остановились у почтовой гостинницы.

Первымъ дѣломъ нашимъ было навести справки о времени отправленія парохода къ Волховской станціи. Намъ сказали что онъ пойдетъ въ 9-ть часовъ.

О поѣздкѣ въ Юрьевъ монастырь — нельзя было и думать, и потому мы хотѣли только хоть мелькомъ взглянуть еще на какія-нибудь древности собственно Новагорода, и которыя при томъ находились-бы по сосѣдству. Съ этой цѣлію рѣшились мы запастись путеводителемъ, указателемъ, спутникомъ, или вообще какимъ-нибудь описаніемъ Новагорода съ его древностями. Не безъ нѣкотораго труда удалось намъ отыскать растрепанный, запятнанный экземпляръ книги «*Краткое историческое описаніе Святыни Новгородской*, въ которой находятся самыя вѣрныя, подробныя, безъ всякихъ риторическихъ украшеній свѣдѣнія о древностяхъ Новгородскихъ. Но покуда мы отыскали лавку съ книгами, покуда хозяинъ собрался отпереть ее, покуда, наконецъ, мы выбрали книгу, — прошло добрыхъ полтора часа, и наступило время отправленія парохода. Такимъ образомъ, намъ опять пришлось отказаться отъ осмотра Новгородскихъ древностей.

У красивой пристани кокетливо покачивался желѣзный пароходъ «Красотка» въ шестьдесятъ силъ, принадлежащій новому

Обществу Волховскаго Пароходства. Надобно признаться, что названіе Красотки какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало этому щеголеватому во всѣхъ отношеніяхъ пароходу; онъ въ то время былъ въ-новѣ и отдѣланъ не только красиво, но и чрезвычайно комфортабельно. Снасти, машина, каюты, буфетъ, — все это было красиво, изящно и уютно. Главное же достоинство «Красотки» заключалось въ томъ, что онъ состоялъ подъ управленіемъ двухъ флотскихъ офицеровъ и ловкой, расторопной команды.

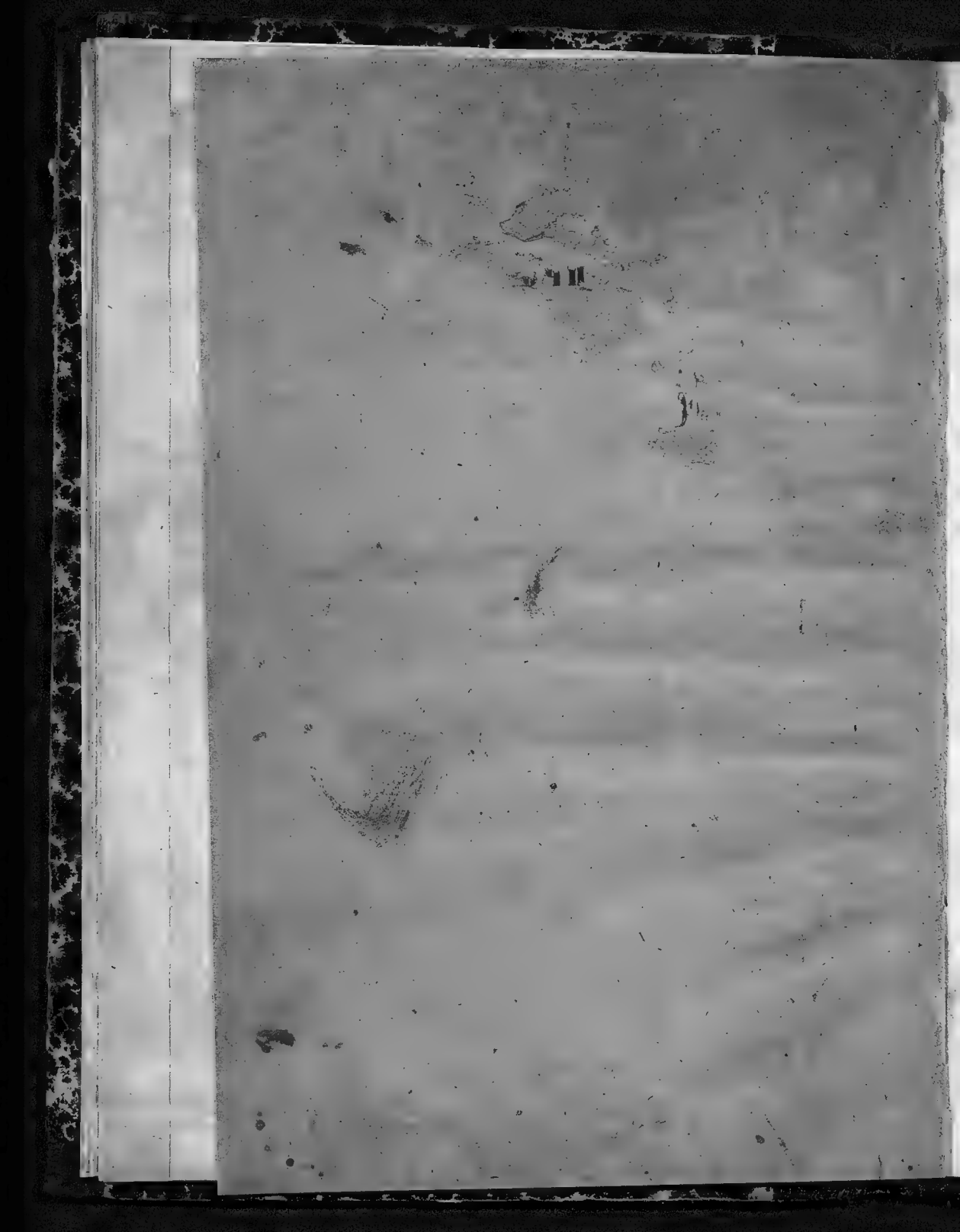
Командиръ «Красотки» молодой балтійскій морякъ, съ самой минуты отправленія ея и до прихода къ Соснинской пристани, ни на минуту не отходилъ отъ рулеваго, и потому «Красотка» летѣла по излучистой рѣкѣ съ быстротой и правильностью, которой могли бы позавидовать и птицы. На пути мы догнали пароходъ купца Ненюкова, вышедшій часомъ прежде насъ; но въ какія-нибудь двадцать минутъ «Красотка» не только опередила его, но и далеко оставила за собою, такъ что онъ въ скоромъ времени изчезъ у насъ изъ виду.

Обратный путь нашъ къ Соснинской пристани сопровождался всѣми тѣми же обстоятельствами, какъ и переѣздъ оттуда до Новгорода, съ тою разницею, что мы плыли гораздо скорѣе, потому что путь нашъ лежалъ по-теченію рѣки, да и пароходъ былъ несравненно легче Волги. Тѣже остановки у штабовъ, тѣ-же стада на берегахъ, тѣ-же толпы купающихся бабъ, только музыки съ нами не было; но на это впрочемъ, сколько припомню, никто изъ пассажировъ претензіи не изъявлялъ.

Къ Волховской станціи пріѣхали мы слишкомъ за часъ до прибытія московскаго поѣзда желѣзной дороги, и чтобы чѣмъ нибудь наполнить время, принялись за чай. Изъ двери въ дверь, противъ Волховской станціи, по другую сторону дороги, въ деревяномъ домикѣ помѣщается гостинница, и по насыпи

проведенъ ходъ прямо во второй этажъ ея, гдѣ буфетъ и гостиная. Въ нижнемъ этажѣ — кухня и бильярдная, съ окнами въ молодой, но уже заглохшій садъ, съ-трехъ сторонъ окружающій гостинницу. Покуда мы пили чай, за рѣкой въ отдаленіи послышался рѣзкій свистъ; черезъ двѣ-три минуты, глухо загремѣлъ мостъ подъ тяжестью длиннаго поѣзда и у станціи, пыхтя и отдуваясь остановился паровозъ съ безконечной цѣпью вагоновъ. Четверть часа спустя, мы уже неслись къ Петербургу. Половина вагона занята была юнкерами казачьей артиллеріи, въ другой было не болѣе десяти пассажировъ. Позади насъ сидѣлъ красивый офицеръ съ сестрой, свѣжей и бѣлокурой какъ купидонъ барышней. Въ углу безцеремонно развалился молодой французъ съ черными, взъерошенными волосами и козлиной бородой. При остановкахъ поѣзда у станцій, къ окнамъ вагона каждый разъ сбѣгались толпы деревенскихъ бабъ и дѣвокъ, предлагавшихъ пассажирамъ малину, уложенную въ бумажныя коробочки. Въ воздухѣ сильно пахло гарью; лѣсной пожаръ видимо распространялся, и удушливый дымъ, какъ кисеей заволакивалъ окрестности; онъ рѣдѣлъ только подъ Колпинымъ, гдѣ какъ извѣстно, около дороги совсѣмъ нѣтъ лѣсовъ. Но вотъ, впереди, подъ багровыми лучами солнца, блеснула золотая глава Исакіевскаго собора, и вслѣдъ за тѣмъ, будто выросла изъ земли сѣроватая масса петербургскихъ строеній.

Въ восемь часовъ, минута—въ минуту, поѣздъ остановился у галлереи путеваго двора, мы—въ Петербургѣ, и отряхнувъ прахъ ногъ своихъ, поспѣшили въ гостепріимную сѣнь знакомаго домика на взморьѣ.

Н.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
Инвент. №
193 г.